

И.И. Мюрберг

Т.Х.Маршалл и концептуальная история режимов гражданства*

В лексиконе политической теории термину «гражданство» принадлежит заметное место. Это одно из тех ключевых понятий, без которых немислимо современное мироустройство. Понятия такого ранга служат нам указаниями на некие аспекты жизни общества, без которых общество как политическая сущность кажется невозможным. Гражданство представляется современному сознанию чем-то само собой разумеющимся, неким вневременным атрибутом политического бытия как такового (по крайней мере, так было до рубежа XX и XXI вв., когда мир оказался захвачен волной глобализации). Между тем институт гражданства можно признать древним лишь с существенными оговорками: античный полис, породивший понятие гражданства и наделивший его высоким нравственным этосом, отделен от современного политического общества не только и не столько хронологически, сколько эпохально. Эпохи, в отличие от лет, веков и тысячелетий, разрывают ткань человеческого бытия, придают ему дискретность. Точнее, сами люди, периодически оказываясь в ситуациях «начала», вставая перед исторической необходимостью перестраивать одни институты и создавать заново другие, находят пути перехода из старого в некое принципиально новое социетальное состояние. Как известно, последним масштабным переходом такого рода стало вступление европейской цивилизации (включая в понятие «европейского» и

* Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2009–2013), тема «Проблемы гражданства и идентичности», шифр 2009-1.1-306-077-013.

североамериканское общество) в эпоху модерна. И именно модерн обеспечил расцвет института гражданства, сделал его неотъемлемой и «естественной» частью нашей жизни.

Разумеется, данный процесс имел свою историю, весьма существенную в плане становления институтов современного общества. Работа по систематическому осмыслению этой истории, категориально упорядочивающей гражданство как реалию сегодняшней политики, была начата только в XX в. Лидером этого начинания не случайно стала родина капитализма Британия. Именно в стране, сделавшей XIX столетие «золотым веком» либерализма, с предельной ясностью обозначились все те подвижки в области государственного строительства, совокупность которых и обеспечила закрепление за гражданством статуса специфически современного общественно-политического института. Эволюция института гражданства в XIX–XX вв. демонстрирует в своих основных чертах важные параллели с этапами развития британского либерализма – политического течения, «волны» от которого распространились на всю ту часть современного мира. Эволюция гражданства так или иначе оказалась затронутой процессом капиталистической модернизации.

Имя Томаса Хэмфри Маршалла упоминается практически во всех исследованиях, посвященных современному институту гражданства: ни одно из них не обходится без упоминания его эпохального труда «Гражданство и социальные классы»¹. Первое, о чем говорят в связи с этой работой, – это указание, что в основании идеи гражданства лежит специфически современное представление о правах. Разъясняя особенности этого представления, Маршалл выделяет в феномене гражданства три элемента, а именно, три типа прав: гражданские, политические и социальные. Гражданский элемент (1) включает в себя права, обеспечивающие индивидуальную свободу, – таковы свобода личности, свобода слова, мысли и вероисповедания, а также право собственности, право заключать договоры и право на правосудие («последнее есть право защищать и утверждать все свои права с позиций равенства с другими людьми, используя при этом официально принятые процедуры»²). Институциональным обеспечением гражданского элемента занимаются судебные органы. Политический элемент (2) предполагает право участия в реализации политической власти в качестве

члена организации, обладающей политической автономией, или в качестве выборщика членов подобной организации. Это право институционально обеспечивается парламентом и аналогичными органами власти на местах. Под социальным элементом (3) Маршалл понимает широкий спектр прав: от права на необходимый минимум экономического благосостояния и безопасности до права наследовать в полном объеме социальное богатство общества и жить жизнью цивилизованного существа, согласно стандартам, преобладающим в обществе на данный момент. Подобные права способны гарантировать личности системы образования и социального обеспечения.

В прежние времена, говорит Маршалл, все три элемента «были связаны между собой единой нитью» вследствие того, что обеспечивающие их права (ныне автономные) прежде существовали в институционально не различенном состоянии. В этой связи важно понимать, что история любых институтов есть история дифференциации. Этот тезис Маршалл развивает на примере исторического развития английского общества. Надо сказать, социальная философия Британии традиционно развивалась каждым новым мыслителем в духе конструктивной критики идей предшественников. Вспомним таких корифеев политической мысли, как Дж. Локк, Д.Юм, Дж. Бентли, Дж.-С. Милль, – все они считали необходимым предпослать изложению своих идей изложение тех работ и учений, в качестве реакции на которые был задуман их собственный теоретический вклад. Для Маршалла объектом критического исследования послужили взгляды известного британского экономиста XIX века, сторонника неоклассического направления в политэкономии, основоположника неолиберализма Альфреда Маршалла. Последний, утверждает он, шагнул далеко за границы собственно экономической науки, обнажая во всей ее полноте природу и содержание проблем, с которыми приходится справляться политике, и делая прикидки относительно возможности альтернативных средств достижения поставленных целей. Тем самым им фактически совершался переход от экономического к социально-политическому анализу, в чем легко убедиться, встречая утверждения вроде того, что термин «рабочий класс» призван объяснить нам не «то, как влияет на человека работа, а не то, как он влияет на работу»³. Этим утверждением схватывалось общее

направление движения теоретической мысли: от количественной оценки уровня жизни – оценки с позиций потребляемых товаров и услуг – к качественной оценке жизни в целом⁴. Оценивать уровень жизни с точки зрения качества значит уметь выделять «существенные элементы в культуре или цивилизации».

Внимание к «существенным элементам» было подсказано британскому экономисту самой политической практикой конца XIX в., состоявшей в претворении в жизнь общественного идеала социал-либерализма. Данное политическое течение, сформировавшееся в стране в последней трети XIX в. и отразившее стремление британского общества «искупить вину» перед рабочим классом, имело своей общей целью выравнивание материальных условий жизни различных общественных классов. Однако инициированные им практики с неизбежностью поставили на повестку дня вопрос о «пределах равенства». С одной стороны, никаких «непреодолимых препятствий на пути безграничного улучшения положения рабочего класса не существовало»⁵; стало быть, не существовало препятствий для установления полного равенства. С другой – сам дух либеральной свободы, ценящей индивидуальность, заключал в себе неравенство. Поступиться принципом сохранения неравенства означало в этом смысле перейти с либеральных на социалистические позиции. Данный нюанс остро чувствовали теоретики политики конца XIX в. Именно он подталкивал к существенному пересмотру понятия равенства, к анализу спонтанно происходившей эволюции равенства как социально-политического института.

«Гражданство есть статус, распространяемый на всех полноправных членов общества. Все, кто обладает этим статусом, равны в отношении прав и обязанностей, налагаемых им. Относительно содержания этих прав и обязанностей не существует универсального принципа, но в странах, где институт гражданства развивается, формируется образ идеального гражданства, служащий мерилем оценки достижений и качества поставленных целей. Следовать ему значит полнее осуществлять равенство, обогащать сам образ и увеличивать число включенных. В то же время социальное классовое деление есть система неравенства. Подобно гражданству, оно тоже может иметь под собой систему идеалов, верований и ценностей. Это позволяет предполагать, что гражданство и социальные классы находятся между собой в конфликтных отношениях. Если

я прав, полагая, что гражданство как институт развивалось в Англии с последней трети XVII в., тогда ясно, что это развитие совпадает со становлением капитализма, который есть система неравенства. Этот факт нуждается в прояснении. Как возможно, чтобы оба этих принципа развивались и благоденствовали на одной почве в одно и то же время? Что делало их не только совместимыми, но на какое-то время даже союзниками, а отнюдь не врагами? Этот вопрос тем более важен, что в XX в. они, как известно, являются антагонистами»⁶.

Ответ на поставленный вопрос заключается в динамике исторического развития: в данном случае речь идет о развитии института равенства. Изначально, показывает Маршалл, равенство существовало исключительно в рамках партикулярных объединений, таких как сельские общины, гильдии мастеровых в городах и пр. В процессе экономического отмирания разорвавшихся и уходящих в прошлое сословных объединений в Англии возникали первые «учреждения равенства» общенационального масштаба. В британских условиях ими оказались предприятия и службы, созданные в осуществление принимаемых парламентом «законов о бедных». В конечном счете из этих зародышевых форм общности, построенной на принципах равенства, и было создано национальное государство, реализация которого произошла через распространение на всех членов общества принципа единства прав и обязанностей. Таким образом, классическому национальному государству соответствует главная заповедь гражданства – требование равенства всех, по умолчанию дополняемое в национальном государстве требованием сохранения классового неравенства. Пространственно-географическое слияние (начиная с XII века его движущая сила – common law (общее право), позже – парламент) дополняется здесь углублением функциональной дифференциации, являющейся носителем потенциала неравенства.

Итак, в описанных исторических обстоятельствах три упомянутых выше элемента гражданства (гражданский, политический, социальный), ранее существовавшие в слитности, стали развиваться каждый по-своему. С данными историческими подвижками связана оценка Т.Х.Маршаллом теоретического вклада А.Маршалла как предтечи теории гражданства: «Он постулирует существование чего-то вроде базового человеческого равенства, ассоциируемого с понятием полного членства в сообществе, го-

вора иначе, с гражданством. Подобное не исключает тех типов неравенств, которые характерны для присущих обществу различающихся экономических уровней. Иными словами, неравенство в социально-классовой системе может считаться приемлемым при условии, что признается равенство гражданское»⁷. В то же время примечательно, что на этой ранней стадии гражданство определяется почти исключительно через обязанности граждан, а не через их права. Так, А.Маршалл готов был не колеблясь признать за гражданами только один вид прав – право детей на получение образования – и допускал возможность осуществления государством принуждения в целях реализации им этого права. Расширение же набора обязательных прав означало бы для него отказ от собственного требования сохранения свободы рынка и недопущения в свою систему элементов социализма.

Между тем сама логика процесса, при котором территориальное слияние некогда самодостаточных единиц сопровождалось функциональной дифференциацией институтов управления, требовала радикальных трансформаций: «механизм, посредством которого осуществлялся доступ к институтам, гарантирующим права граждан, должен был быть полностью преобразован. Применительно к политическим правам преобразования приняли вид всем известной истории введения всеобщего избирательного права и пересмотра условий членства в парламенте. Преобразование гражданских прав затронуло вопросы юрисдикции судов различного уровня, привилегий юристов и, главное, финансовых обязательств по возмещению связанных с тяжбой расходов. В случае социальных прав центральным стало принятие Закона о поселении и переселении и различные формы проверок на состоятельность. Все вместе названные механизмы определяли не только то, какие права признавались в принципе, но и то, можно ли было осуществлять эти права на практике»⁸.

Разделившись по разным сферам общественной жизни, три названных вида прав обрели каждый собственную историю. Т.Х.Маршалл сравнивает их отношения с отношениями некогда близких людей, которые теперь почти не разговаривают друг с другом, не могут найти общего языка. Однако важно понимать, что подобная разнонаправленность, непредсказуемость развития гражданских, политических и социальных прав стала возможной

благодаря универсализации нормальной для традиционного общества сословной статусности. Новый «демократический или универсальный статус естественно проистекал из того факта, что по сути речь шла теперь о статусе свободного человека... [З]амена рабского труда свободным была описана профессором Тони как “важная веха в развитии как экономического, так и политического общества”, как “окончательный триумф общего права” в регионах, на которые это право не распространялось на протяжении предшествующих четырех веков. Но с этого времени английский крестьянин стал “членом общества, в котором существовал, по крайней мере номинально, один закон для всех”⁹. Та самая свобода, которую заполучили его предшественники, сбежавшие из деревни в свободные города, теперь стала по праву принадлежать и ему. В городах слова “свобода” и “гражданство” были синонимами. Когда свобода стала свободой для всех, гражданство было преобразовано из местного в общенациональный институт»¹⁰.

Таким образом, Маршалл рассматривает гражданство как существенно современный институт. Историческая суть его определена им прежде всего как выборочная универсализация сословных и прочих привилегий, сопровождающаяся их качественным изменением, которое есть вторичный эффект. Данная трансформация описывается им как процесс «*обретения правами статуса свободы*» (курсив мой. – И.М.). Так, в XVIII в. – в эпоху, когда гражданские права уже достигли стадии универсализации, – политических прав «не хватало, не хватало не в содержательном плане, а в смысле их распространенности, именно в этом отношении они не соответствовали критериям демократического гражданства». Принятый в 1832 г. под давлением сторонников либерализма *laissez-faire* (свобода рук – фр.) знаменитый «Билль о реформе» в этом смысле мало что изменил. Для подлинного утверждения политического элемента гражданства потребовались качественные преобразования структуры данного института в целом.

В этой связи Маршалл, забегая вперед, позволяет себе обобщающий вывод о том, что в истории Англии можно выделить периоды формирования каждого из трех элементов гражданства: гражданские права (в выше приведенном определении) формировались преимущественно в XVIII, **политические – в XIX, а социальные – в XX в.** Надо сказать, что в подобной упрощенной схеме

ряд современных исследователей гражданства усмотрели основание для того, чтобы приписать Маршаллу весьма наивный, пронизанный прогрессистскими надеждами взгляд на историческое развитие социально-политических институтов. На самом деле, однако, взгляды классика теории гражданства – благодаря их привязке к конкретной стране и эпохе – сочетают обобщающие выводы с высокой степенью предметности, и в этом плане приписываемые ему прогрессистские схемы оказываются неработающими.

В качестве примера выберем поучительный опыт рассмотрения им исторического становления политической составляющей гражданства. Как уже говорилось, первоисточником социальных прав была средневековая система членства в местных сообществах, система партикулярная и потому не имеющая непосредственного отношения к институту гражданства. Начиная с XVI в. этот источник дополнялся системой регуляции заработной платы и особенно чередой «законов о бедных», начало которым было положено в царствование Елизаветы I (1533–1603). В XVIII в. система регуляции зарплат пришла в упадок не только вследствие промышленной революции, но и из-за несовместимости ее с формирующимся новым пониманием того, какими должны быть гражданские права в экономической сфере. Главным при новом способе производства стала свобода договоров, право выбора места и вида работы. Регулированию зарплат просто не находилось места в системе новых практик экономической свободы.

В то же время, если говорить о елизаветинском «Законе о бедных», то он даже по современным оценкам представлял собой беспрецедентную попытку привести реальные доходы трудящихся в соответствие с их социальными потребностями и статусом гражданина. Закон фактически обеспечивал гарантированный минимум зарплат и семейных пособий, предусматривал право трудящихся на работу, а в отсутствие работы – на пособие. Таким образом, необычайно высокий уровень социальных прав планировался в общенациональном масштабе еще в XVI в. Дальнейшая (с XVI до начала XX в.) история британских законов о бедных представляла собой историю борьбы социального элемента гражданства с преобладающими силами формирующегося капиталистического способа производства. Так, в XVIII в. основное содержание «Закона о бедных» составляло учреждение работных

домов для трудоспособных бедняков. Показательно, что работные дома, замышлявшиеся как производственные единицы, вынуждены были – в ответ на ожидания бедняков и в качестве реакции на их плачевное положение – взять на себя также и функции социальных учреждений: детских яслей, ночлежек, сиротских приютов и домов для престарелых. Между тем уже к XIX в. стало ясно, что подобные социальные учреждения обречены на исчезновение. Содержание их дорого обходилось государственной казне, хотя в сущности никакой расход не является для государства чрезмерным, если имеет под собой достаточное морально-политическое обоснование; но именно в этом смысле позиции законов для бедных чрезвычайно ослаблялись теми подходами к проблеме бедности, которые демонстрировали наиболее влиятельные апологеты утверждающегося «коммерческого общества». Так, И.Бентам настаивал на дисциплинарном, пенитенциарном подходе к решению социальных проблем; Т.Мальтус предлагал рассматривать феномен обеднения населения с точки зрения проблемы «перенаселения», констатировать наличие которого Мальтусу позволяло им же введенное гипотетическое представление об объективном пределе плодородия сельскохозяйственных земель; Д.Рикардо в трактовке социальной проблематики отводил центральное место своему «железному закону заработной платы», согласно которому заработная плата колеблется вокруг физически необходимого минимума средств существования и ее увеличение неизбежно приводит к превышению предложения рабочей силы над спросом на нее. Таким образом, главную роль в уничтожении работных домов сыграла идеология реформаторов, согласно которой система вспоможения бедным подрывала позиции «независимого труженика». В годы наполеоновских войн некоторые реформаторы изменили функции работных домов на подведомственных им территориях, превратив их в «работные дома устрашающего назначения» (*detergent workhouses*), т. е. такие учреждения, нежелание находиться в которых заставляло бы бедняков искать «нормальную» работу. Начиная с этого времени и вплоть до официальной отмены работных домов законом 1929 г. о местном самоуправлении законы о бедных оставались для Британии средством принуждения бедняков к существованию в условиях рыночной экономики. Таким образом, на последней стадии своего исторического развития «закон о бедных

был поддержкой капитализму, а не угрозой ему, так как он снимал с промышленности социальную ответственность за все то, что выходило за рамки трудового договора, и обострял конкуренцию на рынке труда»¹¹. Маршалл фиксирует происходящие одновременно со сменой эпох изменения в содержании тех или иных общественных установлений, показывая, что сами эти изменения являлись составными частями общеполитических задач, решение которых взял на себя в Новое время институт гражданства. С этой точки зрения, введение на стыке XIX и XX вв. **обязательного начального** обучения «также было поддержкой капитализму, поскольку оно повышало цену рабочей силы и в то же время не поднимало рабочего на не свойственную его статусу высоту»¹².

Изменения, имевшие место в сфере защиты бедняков на протяжении первой половины XIX в., описываются Маршаллом в терминах возникновения разрыва между гражданским статусом и социальными правами. Свидетельства тому, что подобный процесс не был случайностью, он находит и в других сферах жизни английского общества, прежде всего в сфере фабричного законодательства и публичного образования. Так, происходившее в то время совершенствование фабричного законодательства, несмотря на то, что оно давало реальное улучшение условий труда и обеспечивало сокращение его максимальной продолжительности, «сознательно не распространялось на взрослых мужчин, т. е. именно на тех из трудящихся, кто [по законодательным условиям XIX в. – *И.М.*] и являлся гражданами *par excellence*. Это нераспространение льгот на работоспособных мужчин было актом уважения к их гражданскому статусу, так как применение к человеку мер по социальной защите было равнозначно ущемлению его гражданского права на заключение свободных трудовых договоров. Названные меры по социальной защите были адресованы исключительно женщинам и детям, так что защитники прав женщин немедленно усмотрели в этом унижение достоинства женщин. Коль скоро женщины хотели быть полноправными гражданами, они, по мнению сторонников равенства полов, должны были отказаться от социальной защиты»¹³. Примечательно, что к концу XIX в. данная логика утратила силу, и фабричное законодательство стало неотъемлемой составляющей социальных гражданских, т. е. универсальных прав.

Аналогичным образом эволюционировала государственная политика в области образования. Еще экономист Альфред Маршалл, признававший образование законным объектом деятельности государства, определял образовательную политику в качестве «сферы услуг», пусть даже весьма специфичной. Действительно, существует соблазн утверждать, что право детей на получение образования имеет не больше отношения к их гражданскому статусу, чем право их быть защищенными от непосильного труда. Ведь дети по определению не могут быть гражданами. Но данный образ мысли Т.Х.Маршалл считает ошибочным. «Образование детей имеет самое непосредственное отношение к гражданским правам: когда государство гарантирует образование всем детям, оно, несомненно, преследует цель сформировать тем самым некий образ взрослого человека-гражданина и выставляет определенные требования к этому гражданину. Оно стремится влиять на процесс формирования граждан, так как гарантированное образование для ребенка имеет своей целью определенным образом сформировать взрослого человека. В сущности, подобное следует расценивать не как право ребенка ходить в школу, а как право взрослого быть образованным человеком. В этом [имеется в виду обязанность ребенка ходить в школу. – *И.М.*] нет никакого противоречия с гражданскими правами в том их понимании, которое бытовало в эпоху индивидуализма. Ведь гражданские права предназначены для людей разумных и компетентных, людей, умеющих читать и писать. Образованность есть необходимое условие гражданской свободы»¹⁴. Вот почему начальное образование стало в Британии конца XIX в. не только всеобщим и бесплатным, но и обязательным.

Данный экскурс в историю английских законов о бедных, историю фабричного законодательства и всеобщего образования позволяет полнее понять, какой именно смысл вкладывал Т.Х.Маршалл в утверждение: XIX век был для Британии эпохой формирования политической составляющей гражданства, а век XX – эпохой формирования его социальной составляющей. Теперь мы можем видеть, что дело обстояло совсем не так, будто новые «элементы» феномена гражданства появлялись из ничего в качестве совершенно новых социально-политических практик. Маршалл показывает: в то время как сами практики (в рассматриваемом случае это практики социального обеспечения) шли из глубины веков, сохраняя прочную исто-

рическую преемственность с прошлым, их политическая трактовка претерпевала революционные преобразования. Вместе с тем в описании теоретика гражданства данные радикальные сдвиги отнюдь не выглядят сплошной сменой мыслительных парадигм, вытесняющих одна другую просто потому, что «все течет...». В интересующем его процессе смен идеологий отчетливо различима точка начала некоего периода, историческое завершение которого находится за гранью обозримого будущего. Остановимся на этом аспекте его анализа.

Маршалл не дает читателю специальных разъяснений относительно того, почему именно XIX в. характеризуется им как эпоха появления политической составляющей института гражданства. Вместо разъяснений читателю представлена довольно неоднозначная, определяемая условиями места и времени картина чередования эпох преобладания той или иной разновидности прав. В целом это описание динамики развития института гражданства, порожденной современной политической свободой, – динамики столкновения, с одной стороны, движения за расширение политического равенства и социальных прав, а с другой – капиталистического рынка и классовых устоев общества. В предложенном им описании принципы гражданства оказываются ареной данной борьбы, в ходе которой стороны стремятся ограничить возможности друг друга, добиться наиболее выгодной для себя конфигурации гражданских прав. И в какой-то момент эта борьба за социальные цели возвращается на политическую арену. Таким образом, за фасадом заявленного теоретиком схематичного разнесения трех видов прав (гражданских, политических, социальных) по сменяющим одна другую эпохам обнаруживается гораздо более сложная историческая траектория. Эта последняя в большой степени определяется вечным стремлением сторонников рынка играть главную роль в распределении социальных прав. Для этого они нуждаются в насаждении более индивидуалистических представлений о защите гражданских прав – подобное дало бы им основания требовать ограничения действия принципа политического равенства государственной сферой. Сторонники социального гражданства, наоборот, стремятся не ограничивать свои цели постоянным повышением уровня работы социальных служб, что способно уменьшать силу денег над обществом. Их главная цель – утвердить в рамках гражданского общества некую «сферу гражданственности», спо-

собную дополнить собой институт политического гражданства. В свою очередь это означает, что движение за социальные права, противостоящее рыночному и классовому принципам функционирования общества, становится движением за новое понимание самого гражданского общества. В контексте этой борьбы анализ Маршаллом становления современного социального гражданства сохраняет свою актуальность.

Литература

- Barbalet J.M.* Citizenship. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1988.
- Dahl R.* Procedural Democracy // *Philosophy, Politics and Society* / Ed. P.Laslett, J.Fishkin. New Haven: Yale Univ. Press, 1979.
- Giddens A.* Class Conflict, Class Division and Citizenship Rights // *Profiles and Critiques in Social Theory*. Berkeley: Univ. of California Press, 1982.
- Giddens A.* The Nation State and Violence. Berkeley: Univ. of California Press, 1981.
- Gorham E.* Social Citizenship and its Fetters // *Polity* 28. 1995. № 1.
- Hirschman A.* The Rhetoric of Reaction. Cambridge: Harvard Press, 1991.
- King D. and Waldron J.* Citizenship, Social Citizenship and the Defense of Welfare Provision // *British Journal of Political Science* 18. 1988. № 4.
- Klausen. J.* Social Rights and State Building T.H. Marshall in the Hands of Social Reformers // *World Politics* 47. 1995.
- Kymlicka W. and Norman W.* Return of the Citizen // *Theorizing Citizenship* / Ed. R.Beiner. Albany: State Univ. of New York Press, 1995.
- MacPherson C.B.* The Life and Times of Liberal Democracy. Oxford Univ. Press, 1978.
- Mann M.* Ruling Class Strategies and Citizenship // *Citizenship Today* / Ed. M.Bulmer, A.Rees. L.: UCL Press, 1996.
- Miller D.* Democracy and Social Justice // *British Journal of Political Science* 8. 1978.
- Pateman C.* Democratization and Citizenship in the 1990's: The Legacy of T.H.Marshall. Oslo: Institute for Social Research, 1996.
- Rees A.M.* The Other T. H. Marshall // *Social Policy* 24. 1995. № 3.
- Rees A.M.* The Progress of Citizenship // *Citizenship Today* / Ed. M.Bulmer, A.M.Rees. L.: UCL Press, 1996.
- Rosenberg A.* Democracy and Socialism. Boston: Beacon Press, 1969.
- Runciman W.G.* Why Social Inequalities are Generated by Social Rights // *Citizenship Today* / Ed. M.Bulmer, A.Rees. L.: UCL Press, 1996.

Spencer H. Parliamentary Reform: The Dancers and the Safeguards // Essays Scientific, Political, and Speculative. Vol. 3. Indianapolis: Liberty Fund, 2004.

Примечания

- ¹ *Marshall T.H.* Citizenship and Social Class and other essays. Cambridge, 1950.
- ² Ibid. P. 9–10.
- ³ *Marshall A.* The future of the working classes // Memorials of Alfred *Marshall* / Ed. by A.C Pigou. N.Y., 1956. P. 5.
- ⁴ *Marshall T.H.* Class, Citizenship and Social Development. N.Y., 1964. P. 69.
- ⁵ Ibidem.
- ⁶ *Marshall T. H.* Citizenship and Social Class... P. 28–29.
- ⁷ *Marshall T.H.* Class, Citizenship and Social Development... P. 70.
- ⁸ Ibid. P. 74.
- ⁹ *Tawny R.H.* Agrarian Problem in the Sixteenth Century. L., 1912. P. 43–44.
- ¹⁰ *Marshall T.H.* Class, Citizenship and Social Development... P. 76–77.
- ¹¹ Ibid. P. 41.
- ¹² Ibid. P. 88.
- ¹³ Ibid. P. 81.
- ¹⁴ Ibid. P. 81–82.